

К Мише Морозову пришла ночной дежурный Майя Серафимовна, которой выпало дежурство на новогоднюю ночь, и сказала, что в новогоднюю ночь она никак не может, что готова отдежурить всю неделю подряд, но на новогоднюю ночь надо её заменить. Нравы в коллективе у Миши были самые простецкие, контора его занимала всего две комнаты в старом и пустующем особнячке, и Миша решил отдежурить новогоднюю ночь сам. Ему, здоровому, жизнерадостному сорокалетнему бессемейному человеку, тотчас пришла мысль пригласить своих друзей и Юлию Юрьевну, на этот момент его женщину. Надо отметить, что Юлия Юрьевна была не только недурна собой, но и даже очень мила, энергична, изящна, остроумна и была бы просто прелестна, но, к сожалению, она обладала некоторой неровностью характера, порой невинной, а порой прорывавшейся в неподдельную к Мише Морозову неприязнь – это при его-то жизнелюбии, которое, как известно, является показателем довольно простоватого характера, но одновременно является гарантом характера легкого, счастливого, терпеливого и всепрощающего.

Их свели, или, более деликатно, их познакомили муж и жена Ивановы. Муж Иванов, с редким для его поколения именем Степа, был кем-то в спорткомитете города, а жена Иванова, Катя, вместе с Юлией Юрьевной преподавала в одном высшем учебном заведении. Миша с ними познакомился – ну да, собственно, случай их знакомства здесь значения не имеет. Оно могло бы произойти, например, в совместной туристической поездке за границу или, например, на лыжне в окрестных парках, роскошным поясом обернувшихся вокруг города. Но для достоверности скажем, что их знакомство произошло вот таким образом: вошёл Миша Морозов в троллейбус, уселся на сиденье рядом с пока ещё не известным ему Степой Ивановым и почувствовал, что не может весь вместиться в сиденье. Пока ещё не известный ему Степа Иванов сидел на сиденье так вольготно, что Мише места не хватило не то что для удобства, но вообще. Миша насмелился попросить пока ещё не известного ему Степу Иванова чуть-чуть подвинуться. А неизвестный ему Степа Иванов был не в духе. И быть ему не в духе было много причин. Но в момент их знакомства с Мишей причиной быть не в духе у него был троллейбус, в котором он вынужден был оказаться потому, что его собственный мерседес закапризничал, застучал карданным валом, засопел карбюратором, отсырел свечами зажигания, или чем там, то есть попросту в его мерседесе отказала везде ныне присутствующая и потому высокомерно-капризная электроника. Был Степа Иванов в троллейбусе и был он не в духе. А некто подсел к нему и попросил подвинуться – такие пошли нравы, понимаете. И Степа Иванов ответил пока ещё ему неизвестному Мише по полной программе.

– Я тебе что, за периметр вылезу? – вопросом на просьбу ответил он.

А периметр – это же не только геометрическое понятие, полученное из сложения длины и ширины площади. Периметр – вещь более серьёзная. Потому что периметр – это ещё и специфический профессиональный термин, означающий определенное сооружение в виде преграды перед серьёзным, требующим особого внимания, объектом. А сам Миша имел в свое время серьёзное отношение к этому термину, служил во внутренних войсках, охранял объект чрезвычайной важности и даже получил звание сержанта. Естественно, слово «периметр» возбудило в нём воспоминание, и он как человек здоровый и жизнерадостный тотчас на это слово откликнулся.

– Земеля! А ты не в вэвэ служил? – спросил он, подразумевая под аббревиатурой «вэвэ» внутренние войска.

Степа Иванов нехотя скосил на Мишу Морозова глаз и сказал:

– Ну!

Вот так познакомились Миша Морозов и Степа Иванов.

Другая семья друзей Миши состояла из его одноклассника Виктора и жены Клары. Тут о случае знакомства говорить лишне. В день своего первого прихода в первый класс дербальзнули друг друга ранцами – вот и всё знакомство. Одноклассник Виктор был очень хорошим специалистом в одной из областей медицины, а жене Кларе, натуре увлекающейся, как-то не везло с начальствами, и она часто меняла работу и даже заговаривала

с Мишей, чтобы он взял её к себе. Миша краснел, напрягался не в силах отказать прямо и разводит руками, мол, ну, кем же я тебя возьму, Klarочка, ведь у меня контора специфическая – дизайнеры да архитекторы. Клара же, как натура увлекающаяся, вполне серьёзно говорила, что и она найдёт в ней свое достойное место.

– Например, принять заказчика, сварить всему коллективу кофе, устроить корпоратив, устроить музыкальную паузу, разнести почту, создать атмосферу уюта, да, в конце концов, создать бюро знакомств! – говорила Клара и от последней озаренной мысли всякий раз загоралась. – Михаил Михайлович! А ведь правда! Это же такие деньги! И не надо искать ваших заказчиков! Они пойдут сами! Пойдёт масса богатеньких женщин! А тебе, неженатому и интересному мужчине, это должно быть очень немаловажно!

Так говорила Клара, а Миша только отрицательно мотал головой:

– Нет, Klarочка, нет! Потом! Как-нибудь потом, а сейчас у меня очень срочный заказ!

Третьей семейной парой друзей Миши были Коля и Юлия, молодые люди, намного младше всех остальных, очень любящие Мишу, с которым познакомились как-то так исподволь, что теперь сами не могли точно установить, как именно.

Юлию Юрьевну муж и жена Ивановы звали сокращенно Юю, как звали одну своеобразную героиню в рассказе писателя Куприна. А Миша её звал полным именем – Юлия Юрьевна. Возможно, по этой причине и она его называла не Мишей, а Михаилом Михайловичем, а возможно, это ей казалось остроумным, или это было просто преподавательской привычкой. Но они были друг с другом на «вы» даже в самых откровенных ситуациях.

С первого дня Миша отнёсся к Юлии Юрьевне с полным чувством восторга, которого долгое время не могла погасить уже упоминаемая некоторая неровность характера Юлии Юрьевны. В качестве примера этой некоторой неровности можно привести вот такой имеющий на самом деле место быть случай. Юлия Юрьевна четвёртого июня пригласила Мишу к себе домой на ужин, была нежной и страстной, говорила, что Миша редкостный мужчина, что никто так за ней не ухаживал, и отдавала себя ему с юной доверчивостью. А десятого июня, в день следующего свидания, голосом классной дамы она в телефон сообщила, что никакого свидания в этот день не будет, а будет оно только двадцать девятого июля. Почему именно двадцать девятого и почему именно июля, а скажем, не ноября или мая следующего года, она не стала уточнять.

– Вы можете на это время себе завести другую! Но к двадцать девятому июля будьте любезны её уже не помнить! – сказала она.

– Ну, хорошо! – сказал жизнерадостный человек Миша.

Но уже через неделю – тринадцатого июня – он не выдержал и позвонил. И Юлия Юрьевна со всей своей женской страстностью ответила, что ждёт его (я Вас жду!), что он просто самый настоящий мужчина (Вы самый настоящий мужчина!), что он великолепен в своей чуткости, отнюдь не присущей мужчинам (Вы обладаете редкостным даром быть чутким!). Так она ответила и тотчас прибавила, сколько же он при своем великольном даре не чуток.

– Вы мне сейчас говорите, что очень хотите свидания со мной! Вы чуткий мужчина, но сколько же вы порой не чутки! – со всей страстью сказала она.

– Да что такое я натворил, Юлия Юрьевна! – в кружении головы вскричал Миша.

– Вы были у меня в прошлый раз всю ночь и ни разу не поинтересовались, как мои дела на работе! Вообще Вы холодный человек! Но я ничего с собой поделать не могу. Поэтому я Вас жду в субботу! – со всей страстностью ответила Юлия Юрьевна.

Вот так у них получилось, и опять у них всё было великолепно. Но великолепно было только до той минуты, или, как сказал французский поэт Бодлер в одном из стихотворений (это из области знаний Юлии Юрьевны), «в какой-то грустный час» у неё опять проявилась её неровность характера, и месяц между ними ничего не было. Он ей позвонил только первого сентября, чтобы поздравить с Днём знаний. А она выдохнула в трубку, что он всё-таки великолепный и чуткий мужчина, отменила последние занятия и прилетела к нему обожать его (я обожаю Вас! Я даже пошла на административное преступление! Я отменила последние занятия!).

Вот как было у Миши Морозова с Юлией Юрьевной.

Муж и жена Ивановы, сознавая себя ответственными за знакомство Юлии Юрьевны и Миши, были постоянно как бы начеку. Жена, Катя Иванова, выслушав от подруги Юю, то есть от Юлии Юрьевны, всю самую подробнейшую, можно сказать, подноготную информацию про каждое её свидание с Мишей и вообще про каждое движение души Юлии Юрьевны в отношении Миши, передавала их мужу Степе. И они обсуждали, передавать эти сведения Мише или не передавать. Конечно, они принимали решение – не передавать. Но муж Степа передавал эти сведения Мише, так как считал недостойным мужчины что-либо скрывать. Катя как педагог и в женской солидарности с подругой мужа корила. Он отвечал, что передавал всё Мише, потому что был уверен в Мише на все сто, уверен в его благоразумии, в его порядочности в умении встречать всё без суеты, без прикрас и без искажения. Ещё Катя чувствовала, что подруга Юю мужу нравилась. Она знала, что любая одинокая и недурная собой женщина нравится любому и не обязательно одинокому мужчине, так сказать, аргіогі, по древнему инстинкту прибирать всё то, что ничьё – имеется в виду, прибирать женщин. Конечно, Кате не нравилось, что мужу нравится подруга Юю. Но Катя была уверена в порядочности мужа, и в большей степени была уверена как раз в связи с характером Юю, которого муж Степа не выносил и на сотую долю того, что «без суеты, без прикрас и без искажения» выносил Миша. И всё-таки можно было бы подумать, что она выступила инициатором знакомства подруги Юю с Мишей в связи с определенными гарантиями собственной безопасности, так сказать, сделала упреждающий ход в этом направлении. Но такое предположение было бы неправдой. Подругу Юю и Мишу она познакомила с искренним желанием им обоим счастья. Да, собственно, какая же нормальная женщина пройдёт мимо бесхозного (ничьего) нормального мужчины – ведь это тот же древний инстинкт, только, в отличие от мужского древнего инстинкта хватать себе, женский древний инстинкт предусматривает ещё и заботу о ближнем.

Таким же древним инстинктом обладала и Клара, жена Виктора. В силу множественной смены рабочих мест, у неё было и множество подруг, среди которых было одиночество. Клара, как натура увлекающаяся, тоже искренне желала познакомиться их с Мишей. Но Миша или уходил от самого акта знакомства, или сдавался и знакомился, но отношений не развивал – за редким исключением, которое выражалось в том, что провожал он новую знакомую не до подъезда её дома, а сдавался и заходил к новой знакомой на чашечку кофе, а там оказывалось, что уходить уже поздно, и уходил он поутру столь же безвозвратно как ушёл бы вечером. Клара назначала Мише свидание. Они гуляли по городу. Клара внушала Мише немужественность его поведения, то есть такого поведения, которое не присуще мужчине. Она говорила, что женщина всё понимает лучше мужчины, а уж интуиция у женщины развита настолько, что она мужчину чувствует, ещё не видя его – чувствует в том плане, хорош они или не хорош. То есть, говорила Клара, если женщина увлеклась мужчиной, то мужчина просто обязан считать себя счастливым.

– Это вам, мужчинам, сначала надо поглядеть! А женщина, если соглашается на предложение о знакомстве, то это значит, что она почувствовала мужчину и согласна быть с ним! – учила она Мишу и старалась во всех тонкостях узнать, что же такое вдруг Мише не понравилось в её подруге.

А потом Виктор в привычном и добродушном снисхождении спрашивал Мишу о свидании его со своей женой Klarой.

– Ну, что? – спрашивал он. – Опять моя тебя клеила? – и назидал. – Терпи! Я же терплю! – и в знак общего терпения они заворачивали в ближайшее заведение на стопарик.

Ну и, собственно, что? Собственно, осталось немного сказать о третьей паре друзей Миши, о молодых Коле и Юле, чтобы не было какого-то пусть и невольного, но небрежения к молодым.

Коля был из программистов и тоже успешных. А Юля работала администратором в хорошей гостинице, что само по себе говорило об её в соответствующем возрасте успехе.

Из всех Миша выходил самым заурядным. Но здоровый, жизнерадостный, со счастливым и простоватым характером Миша вполне был доволен своим положением. Развиваться в плане конторы, то есть в плане бизнеса, он не хотел. Его более привлекала творческая сторона работы. И он брал только то количество заказов, которого хватало для спокойной творческой работы шестерым его сотрудницам – дизайнерам и архитекторам по ландшафту и малым архитектурным формам.

Юлии Юрьевне до конторы Миши не было никакого дела. Она здесь даже ни разу не была, говоря, что не хочет видеть, как алчные сотрудницы конторы ежеминутно его, Мишу, вождедеют. При этом она вдруг критически осматривала Мишу и говорила:

– Вы такой видный от природы мужчина, вы успешный бизнесмен, и мы могли бы быть превосходной парой, если бы вы одевались иначе! – говорила она.

Ради правды надо сказать, что Миша и в самом деле одевался довольно небрежно, то есть не особо обращал внимания на свой внешний вид. И из слов Юлии Юрьевны он при-

нимал к сведению только слова о возможности превосходной пары, а к остальным ничуть не прислушивался – надо ведь знать, что не прислушивался к словам женщины, которая ему чрезвычайно нравилась. Легко жилось Мише. Да в целом, все мужчины таковы (это к слову). И к слову сказать, Степа с Виктором тоже в плане одежд недалеко ушли от Миши.

А вот Коля одевался хорошо, даже как-то изысканно. И ещё особенностью Коли было то, что он любил заглянуть к Мише в контору и кое-что выставить на стол. А если того оказывалось недостаточно, то он не считал за трагедию сбегать ещё. И они с Мишей бывало засиживались долго. А наутро Юля, жена Коли, в тревоге и в сдержанной ярости юной тигрицы звонила Мише и спрашивала про Колю, ибо Коля от Миши ушёл, а домой не пришёл. В конце концов, всё разъяснялось. Коля оказывался у кого-нибудь из знакомых, а позвонить оттуда Юле забывал или делал вид, что забывал. Но пока всё разъяснялось, встревоженная и разъяренная юная тигрица могла сказать Мише много чего и очень доходчиво – так, что Миша от обиды превращался в быка, которых любят в качестве устрашения упоминать древние поэмы.

Вот как было всё к тому дню, когда ночной сторож Майя Серафимовна пришла к Мише и сказала, что согласна отдежурить все новогодние каникулы без перерыва, но в выпавшую на её дежурство новогоднюю ночь она дежурить не сможет. Миша отпустил старушку с миром, а сам тотчас придумал пригласить в особнячок на новогоднюю ночь своих друзей.

Разумеется, все на приглашение откликнулись, все пришли к Мише в контору, полузаброшенный его двухэтажный особнячок того стиля конца девятнадцатого века, который называют нововизантийским или краснокирпичным. Особнячок был единственным старинным зданием на старой, но застроенной по-новомодному улице. И было непонятно, как он, полузаброшенный и полупустой, не очень опрятный с виду, уцелел и не попал под снос. Все так Мишу и спрашивали – как особнячок до сих пор ещё не снесён. А Миша сам не знал, как. В управлении по охране памятников ему сказали, что особнячок являет собой памятник областного значения. Плату за аренду своих двух комнат Миша вносил исправно. Плату за тепло и воду во всём особнячке он тоже вносил исправно. И к праздникам он соответствующим областным начальствам всегда приносил стильные подарки. Одна из его сотрудниц умела как-то так очень изящно оформлять подарки, совсем небольшие, совсем недорогие, совсем ничего не стоящие, но изящные по замыслу и изящно оформленные, всегда вызывающие восхищенное «Ooo!». И с соответствующими областными начальствами отношения у Миши были хорошие. Они ему говорили, что если вдруг кто-то богатенький когда-то на особнячок положит глаз, то Мише, конечно, придётся съезжать. Но тут же советовали выкупить особнячок в собственность и владеть себе на здоровье. Миша соответствующие областные начальства благодарил, но особнячок не выкупал – не было у Миши таких средств.

Вообще особнячок был не полупустой, а более чем полупустой. Ведь Миша занимал там только две комнаты на втором этаже. А весь первый этаж особнячка был пустой. И

несколько комнат второго этажа были пустые. И вообще сама ситуация нахождения особняка в центре города вот в таком более чем полупустом состоянии была необычной. И кое-кто спрашивал Мишу, не боится ли он в особнячке чего-нибудь нечистого, в плане криминала и в плане потусторонности. Миша ничего нечистого не знал ни в первом плане, ни во втором. Ему очень нравился особнячок. И он думал, что будет для него большой неприятностью, если когда-то вдруг придёт известие от соответствующих областных начальств, что на особнячок положил глаз некто очень богатенький. Но в своем хорошем характере жизнерадостного, пусть из-за этого и недалёкого человека, он всё-таки, пока такого известия не было, очень себя хорошо чувствовал, и многое для его хорошего чувствования доставлял ему сам особнячок.

## 2

И вот пришли к Мише в особнячок красивые, нарядные, заранее восторженные, заранее предчувствующие и не без основания ждущие хорошую новогоднюю ночь его друзья.

Был, конечно, мрачноват Степа Иванов. Ну, так это можно было предвидеть, зная его реакцию в момент знакомства с Мишей в троллейбусе. То есть он вообще, видимо, был мрачноват.

Был чуть напряжён одноклассник Виктор. Но из этого можно было предположить о не совсем хороших отношениях у него в семье на данный момент – и только-то.

Искренне рад празднику был Коля. И из этого можно было сделать предположение, что у него в семье как раз отношения были очень хорошие. А что говорить о женщинах – так ведь, что бы кто бы ни сказал, всё равно он бы ошибся, потому что женщины есть существа более совершенные, более цельные, более целеустремленные – то есть, если уж праздник, так праздник, а не какие-то там мрачности характера. Если прямо сказать, то ведь женщины живут моментом. И в этом их счастье. И Богородица наша такова. И все они, женщины, таковы. А мужья их немного другие. Идет такой муж на праздник, а сам тащит в праздник все свои далёкие от праздника невзгоды, отчего в душе далёк от праздника.

Тяжело с мужчинами. И это надо знать. Но ещё надо знать и то, что без них – никому никуда, даже самым феминисткам, а никуда. Без них феминисткам бороться будет не с кем, и движение их зачахнет, а ведь известно, что они борются именно ради самой борьбы.

А среди пришедших в особнячок женщин феминисток не было. Среди пришедших в особнячок женщин все были в высшей степени достойными членами общества. Потому в особнячке сразу установилась нормальная предпраздничная атмосфера, ну, правда, с некоторым ворчанием женщин на Мишу, вернее, на его, по их мнению, мягкотелость в отношении своих подчиненных, которые не совсем прибрали после праздничного ужина накануне и не совсем прибрали за собой, уходя на новогодние каникулы. Общими усилиями под руководством Клары все допущенные небрежности и недочёты сотрудниц Миши были устранены и даже их архитектурно-дизайнерские воззрения на новогоднее оформление офисного интерьера были в какой-то степени поколеблены, в чем опять преуспела

Клара, правда, но без помощи Юли (не Юлии Юрьевны). Затем по проекту Клары был создан превосходный стол, если и уступающий столам пресловутого древнего любителя попить и полакомиться Лукулла, то уступающий в какой-то малости. Да и сам вопрос превзойти сего известного чревоугодника не ставился. Да и никто, собственно, о нём самом и его столах не вспомнил.

Стол создали, на часы посмотрели – до Нового года оставалось ещё более часа. Поэтому все расселись по углам и занялись кто чем. Мужчины уставились в телевизор, хотя все дружно сказали, что смотреть там нечего. И они оказывались правы. Смотреть всевозможные шоу со звёздами, которые звёздами считались только по всеобщему упадку вкусов и по упорному старанию телепрограмм их таковыми считать, было скучно. Они там беспрерывно хохотали, а народ здесь в скуке вздыхал и прикидывал, не выпить ли по маленькой. Катя и Юля (не Юлия Юрьевна) сели рассматривать архитектурные журналы. Миша пошёл шарашиться по хозяйству, ну, там, проверить особнячок на предмет всё ли в порядке, нет ли где, как в стихотворении у Некрасова, трещины-щели, и всё такое прочее. Пошёл, конечно, от нечего делать. Коля спросил, не пойти ли с ним. Миша сказал, да ладно, не надо.

А Клара и Юлия Юрьевна в две руки стали играть на пианино, оставленное кем-то из тех, кто пребывал в особнячке до Миши. Миша нашёл его совершенно расстроенным и с западающими клавишами. Меломаном Миша не был. А пианино он вдруг пожалел, пригласил мастера, заплатил хорошие деньги. Клара и Юлия Юрьевна сели играть в две руки, и, пока не вошли в лад, заиграли наперебой. Но уже сама музыка поплыла по особнячку, поплыла и будто оживила особнячок, будто враз заселила его.

Миша от этой музыки вдруг и, может быть, не к месту вспомнил одну свою сотрудницу, стильную женщину с удивительными, орехового цвета и чуть-чуть азиатскими, источающими идущий из глубины свет глазами. Она и была мастерицей по оформлению подарков, такой мастерицей, что её сманивали в другие и более уважаемые конторы. Но она всем конторам отказывала. Миша вспомнил её рассказ о том, что в детстве её по вели в музыкальную школу на фортепиано, а она того страшно не хотела. И дедушка её, большой и красивый человек, стал уговаривать её, и они сошлись на том, что он будет покупать ей чёрную икру, которую сотрудница в детстве просто обожала, а она будет ходить на это ненавистное фортепиано. Дедушка обещание исполнял неукоснительно, неизвестно где и как во время так называемого всеобщего дефицита эту икру доставал, а она чисто по-женски сочла возможным свое обещание не исполнять. Она кушала икру, говорила, что на фортепиано ходит, а сама не ходила.

Миша вспомнил эту сотрудницу и даже остановился в полутёмном пролёте лестницы на первый этаж. Эта сотрудница вдруг предстала ему маленькой девочкой с чуть-чуть азиатскими орехового цвета глазами, уже тогда излучающими свет. Миша нахмурился от неожиданности своего представления, захлопал ресницами, не понимая, отчего ему так представилось, искоса украдкой посмотрел по сторонам, будто хотел увидеть что-то новое в



своём особнячке, потом себе улыбнулся. И трудно было сказать, что было у него в его улыбке. Хоть простоват был Миша, а, однако, и у него в улыбке было что-то не сразу читаемое.

Он ходил по особнячку, открывал комнаты, подходил к окнам, проверяя, заперты ли, трогал батареи отопления, проверяя, исправны ли, и музыка вместе с ним заходила в эти комнаты. И свет орехового цвета глаз сотрудницы, то маленькой девочки, то взрослой и стильной женщины, тоже заходил вместе с Мишей в пустые комнаты особнячка. И Мише было странно. Ведь не было раньше такого, чтобы он как-то, кроме глаз, кроме стильных её одеяний и кроме умения превращать самые заурядные подарки в чудесные, выделял эту сотрудницу. Он снова непонятно улыбнулся. И вспомнил, что всё-таки он эту сотрудницу выделял, как-то незаметно для себя, а выделял. Он стал вспоминать, чем именно выделял. И вспомнил, что выделял её просто так, как бы и ни за что, но за что-то выделял.

– Тьфу! – сказал Миша от припльвшего на сердце тепла.

И сказал он это потому, что сотрудница была замужем и, сколько он знал, была она замужем счастлива. То есть как бы никаких причин Мише выделять её не было. А если и была такая причина, то в свете её счастливого замужества была она для Миши пустая и бесперспективная.

Миша вернулся в контору и первым делом, вопреки себе, посмотрел на то место, где работала эта сотрудница, а уж потом посмотрел на всех, зацепившись взглядом, конечно, за Юлию Юрьевну, вдруг будто почувствовавшую его и оглянувшуюся на него в великолепно улыбке.

Оглянулись и мужчины. Они, как оказалось, оглянулись в ожидании.

– А что, позволено нам будет по одной? – спросил Степа.

– Народу надо освежиться! – поддержал его Виктор.

– По маленькой! – сказал Коля.

При этих словах все женщины, словно ждали, сразу отвлеклись от своих занятий.

Катя осуждающе сказала:

– Степан!

Клара осуждающе сказала:

– Виктор!

Юля подошла к Коле и молча приобняла его. Юлия Юрьевна оставила пианино, опять великолепно улыбнулась Мише.

– Да, товарищи, давайте все вместе выпьем! – сказала она.

Миша в ответ Юлии Юрьевне тоже улыбнулся. И все собрались за столом, и все под различные пожелания выпили, а потом стол продолжили, выключили свет, зажгли свечи, прилепив их за отсутствием подсвечников на пластмассовую тарелку. Миша в целях противопожарных мер хотел воспротивиться. А ему сначала указали на недочёт в хозяйстве – на отсутствие подсвечников, а потом заверили, что никакого пожара не будет.

– И это шесть женщин! – в осуждение сотрудниц конторы сказала Юлия Юрьевна.

Свечи замерцали. По стенам конторки затрепыхались неясные тени.

– Ой! – первая откликнулась на тени Юлия Юрьевна. – Товарищи! Михаил Михайлович! Что мы так бездарно сидим в какой-то конторе, где шесть сотрудниц оказались способны только на то, чтобы вождедель не принадлежащего им мужчину! Они оказались не способны обеспечить даже самой элементарной доли романтики! А можем мы пойти в какую-нибудь пустующую комнату, в самую дальнюю, и там обустроить нашу новогоднюю ночь?

– Можем! – сказал Миша.

– Можем! – отозвались все.

И все подхватились. И Миша открыл самую дальнюю комнату на своем втором этаже. И все стали переносить в неё столы и стулья, всё необходимое для праздника. Хотели даже перенести кожаный диван из кабинета Миши, и Миша не возражал. Но возразила Юлия Юрьевна. Она очень выразительно посмотрела на Мишу. И Миша – на что уж простоватый – а и он понял, что диван надо оставить. Диван оставили. Всё остальное перенесли. Юлия Юрьевна подождала задержавшегося в кабинете Мишу и стала его со всей страстью целовать, спрашивая, понял ли он теперь, для чего нужен будет диван. Миша, конечно, сказал, что понял, стал сам страстно целовать Юлию Юрьевну и, негодая, повёл её к дивану. Негодая – потому что она так ему сказала, но покорно поддалась его напору. И хорошо, что зашла в кабинет Клара (всё-таки Новый год – праздник всеобщий).

В новой комнате было пусто и гулко. Но в ней было на самом деле как-то романтично, как-то необычно выпренно, будто витал в комнате какой-то дух, например, далёкого предреволюционного времени или ещё чего-то такого же далёкого, но ощутимого.

Пока снова создавали стол, пока в общей выпренности выпили, пока прогальделись, каждый выговаривая свое мнение по поводу новой комнаты и своего в ней выпренного состояния, вдруг Миша вспомнил, что в кабинете оставлены свечи на пластмассовой тарелке. Он побежал туда – и вовремя. Свечи прогорели, тарелка на треть расплавилась, воск протек на стол Миши. Миша взял тарелку. И все, дурачась, стали всматриваться в её контуры, в растекшийся воск, стали выискивать в них определённый знак и смысл, и все в своей выпренности признали, что новый год принесёт удачу. И все почему-то посмотрели на Мишу с Юлией Юрьевой. И сами они тоже посмотрели друг на друга. И что увидела Юлия Юрьевна во взгляде Миши, неизвестно, – возможно, так, кроме влюблённости, ничего иного, а Миша увидел во взгляде Юлии Юрьевны разгорающийся пламень.

Ну, что дальше? Вовремя пришёл новый год. Бурное веселье покатило и по особнячку, и по за стен особнячка. Фейерверки за стенами особнячка трещали непрерывающейся чередой, и порой от их треска вздрагивали оконные стекла. Тосты за столом были велеречивы и полны надежд на хорошее будущее – ведь все в компании были ещё не стары, были сильны, здоровы, красивы, и ждать от будущего много хорошего было вполне уместно. Говоря хорошие пожелания, Катя со Степой и Коля с Юлей без обиняков смотрели на Мишу и Юлию Юрьевну. Юлия Юрьевна лучезарно Мише улыбалась и в своем слове почти прямо об этом же сказала.

– Я не знаю, какого мнения обо мне Миша, но я иного мужчины себе не представляю! – напрыскав сказала она, а все в восторге зааплодировали.

Миша же, как красна девица, опустил глаза и в смущении, несообразно опущению глаз, по-стариковски крикнул. Ему снова вспомнилась ореховоцветная сотрудница – на миг, и непонятно, почему. Он за этот миг вдруг постиг в отношении сотрудницы, что, возможно, глаза её вовсе не были цвета ореха, а такой цвет они приобретали из-за её всегда простых и в простоте стильных одеяний. Ведь есть же в живописи нечто такое, когда одно влияет на другое. А может быть, и одеяния были ни при чем. Может быть, весь её облик и вся её натура сами по себе влияли на цвет её глаз. Так подумал Миша, пока Юлия Юрьевна говорила про него, как единственного для неё мужчину. Сам он в своем слове ничего такого, то есть про Юлию Юрьевну как единственную для него женщину не сказал. Но он сказал в общем и целом, и в это общее и целое, хорошее для всех, составной частью как бы входило и то, касаемое Юлии Юрьевны, чего он не сказал открыто.

– Ах, какой мужчина! – в восхищении объяла Юлия Юрьевна его взглядом.

Потом организовали танцы. И Миша, помня о диванчике в его кабинете, утащил туда на некоторое время Юлию Юрьевну. Через некоторое время они вернулись и увидели картину совершенно противоположную той, какую оставляли. Всем без них, оказывается, не праздновалось.

– Это недопустимо – хозяину оставлять гостей одних! – сказала Клара.

– Да я как раз – по хозяйским делам, проверить, всё ли в порядке! – попытался оправдаться Миша.

– А Юлечка? – обличающе спросила Клара.

– Так ведь одному страшно! – попытался отшутиться Миша.

– В другой раз проверять пойдём все! – сказала Клара.

– Или по очереди и парами! – сказал Виктор.

– Не обязательно семейными! – сказал Степа.

– Нет, я с Колей! – сказала Юля (не Юлия Юрьевна).

– Нет! Кому кто выпадет! Давайте кидать жребий! Давайте крутить бутылку! – в один голос предложили Виктор и Степа.

И в самом деле, стали крутить бутылку. И Юле бутылка показала на Колю, Степе – на Юлию Юрьевну, Виктору на Катю, а Мише на Клару. И надо было видеть, как напряглась и отошла в сторону Катя, и как ненатурально засмеялся Виктор.

– Нет, – сказал Миша. – Нет! В следующий раз проверять особнячок всё-таки пойду один я!

– Да что! Пойдём вместе! – сказал Коля.

– И нечего ходить проверять! – сказала Клара.

И в это время подал сигнал домофон.

– Не отвечайте! – дружно сказали Мише женщины.

– Нехорошо! – сказал Миша и пошёл открывать, и привёл двух сотрудников охранного предприятия.

Они, оказывается, ехали мимо и увидели подозрительно мерцающий в окнах свет свечей. Сотрудникам охранного предприятия все обрадовались, пригласили за стол, отчего они, конечно, отказались.

– У нас, конечно, нет с вами договора. Но мы советуем его заключить! Очень приманчивый особнячок! – сказали они Мише и рассказали самый свежий случай в их работе. – Вот два дня назад сработала сигнализация в ломбарде. Мы были через пять минут. А уже – никого! И в ломбарде – шаром покати! Две минуты взламывали замок, две минутки всё выносили! Во, как работают! Так что!..

Миша возражать не стал, хотя увидел в словах сотрудников охранного предприятия отсутствие логики – если они за пять минут не успевают застать преступников, какой же смысл на них надеяться и им платить. Но вспомнил Миша про Майю Серафимовну и её сменщика, такого же старенького человека, и нашёл, что рисковать их жизнями в случае, рассказанном охранниками, он не имеет права.

– Хорошо, товарищи! Приду к вам! – сказал он, но сразу же пожалел и Майю Серафимовну, и её сменщика, ведь лишит их заработка.

Сотрудники охранного предприятия уехали, а Мишу стали спрашивать, почему, правда, он не поставит особнячок на сигнализацию. Мише не хотелось отвечать, почему: ну, не поставил и не поставил. И он вдруг придумал.

– Да какая сигнализация! Здесь никакая сигнализация не работает! Здесь во время революции поселился один из тех, кто расстреливал царя! – начал придумывать он.

– Ничего себе! – выдохнули все враз.

– Так он не только в расстреле царя участвовал, он ещё и хозяйку этого особнячка расстрелял! Теперь здесь она ходит и его ищет! – сказала дальше Миша.

– Вот почему я никогда не ездила к Михаилу Михайловичу на свидания в особнячок! – воскликнула Юлия Юрьевна.

– Почему? – спросил Степа.

– Потому что у него и хозяйка особнячка в любовницах! – сказала Юлия Юрьевна.

– Пикантно! – сказал Виктор.

– А что, Михаил Михайлович настоящий мужчина! – сказал Коля.

– Ну, со старушкой-то не стоит состоять в любовницах! – сказала Клара.

– Ой, давайте выпьем! – предложила Юлия (не Юлия Юрьевна).

Катя ничего не сказала. Но, в общем-то, как это ни странно, как это, что называется, – ни в какие ворота, а видно было, что все женщины как-то затревожились. Мише стало стыдно за свою выдумку. «Вот дурак! Царя приплёл, потревожил. И хозяйку – тоже!» – со стыдом подумал он.

– А кто именно из тех, кто расстреливал? – выпив, спросил Степа.

– Да ладно, ребята! Я всё это сдуру придумал! – сказал Миша.

– А я всё равно теперь никуда в особнячке одна не пойду! – сказала Клара.

– Да, может, и расстрельщик здесь же ходит! Они с хозяйкой давно уже сожитель-

ствую! Почему никто, кроме, Миши, здесь себе контуру не снимает? Потому! – сказал Виктор.

– А Михаил Михайлович почему? – спросила Юлия Юрьевна.

– Так он и не женится потому! – сказал Степа.

– Ну, это уже извращение! – сказала Юлия Юрьевна и обдала Мишу прежним своим пламенем.

Миша даже ощутил этот пламень на своем лице.

– Ребята! Я пошутил! – сказал Миша.

– Да чего там, хорош! Можешь дальше не рассказывать! Всё понимаем! – сказал Виктор.

– А что всё все понимают? – спросила Клара.

– Так, кто всё-таки из расстрельщиков здесь жил? – снова спросил Степа.

Миша посмотрел на него с вопросом, дурачится он или спрашивает серьезно. Посмотрел и ничего не понял. Степа был по-всегдашнему хмур.

– Не знаю! – сказал Миша и в простоте свой подумал, что вот так, небось, пишется история.

– Я где-то слышал про расстрельщика и его квартирную хозяйку! – сказал Степа.

– Да я сам это только что придумал! – едва не закричал Миша.

– Нет! Кто-то об этом писал. Это исторический факт! – сказал Степа.

– Юровский! – подсказал фамилию главного расстрельщика Коля.

– Нет, Юровский поселился в особняке, в котором сейчас музей истории города! – сказал Степа.

– Ну, больше никого не знаю! – сказал Коля.

А Миша вдруг сам в себе засомневался – может быть, ничего он не придумывал, может быть, он где-то прочитал и потом забыл.

– Они там все после расстрела напились. Этот пришёл сюда и спящую хозяйку изнасиловал и застрелил! – сказал Степа.

– Ребята, хватит! Давайте праздновать! – сказала Катя.

– Привели прекрасных женщин, а сами взяли за своё! Вы ещё возьмитесь футбол смотреть! Михаил Михайлович! Вы плохо исполняете обязанности гостеприимного хозяина! – сказала Юлия Юрьевна.

– А я всё равно одна никуда не пойду! – сказала Клара.

– Шампанского и танцы! – вскричал Миша.

И праздник продолжился, и праздник удался. По домам все разошлись только утром, когда стал работать транспорт. В особнячке остались Миша и Юлия Юрьевна. Они стали прибирать со стола. Но в какую-то минуту, вероятно, ещё в жарких углях того пламени, которым обдала его ночью Юлия Юрьевна, Миша обнял Юлию Юрьевну, и они оказались на кожаном диванчике. И потом Юлия Юрьевна сказала, что эта новогодняя ночь и это новогоднее утро были самыми превосходными из всех прежних. Правда, она при этом сказала слово «наверно». Они пробыли в особнячке до середины дня. Потом Миша пошёл

провожать Юлию Юрьевну до метро. Он спросил, не проводит ли он её до дома. Но она нежно отказала – всё-таки надо отдохнуть. Он спросил о завтрашнем дне. Она нежно отказала и завтрашний день.

– Нам нельзя уставать друг от друга! – сказала она.

Они шли по пустому притихшему и оттого похорошевшему городу. Мише было хорошо. В метро перед турникетом они остановились, потом отошли в сторону. Миша держал её руку. На них несколько раз приветливо оглянулись охранники. А потом, когда Миша подвёл Юлию Юрьевну к турникету, одна из охранников, миловидная женщина, не выдержала.

– Что, молодой человек, не хотите отпустить свою даму? А вы не отпускайте! – сказала она.

Миша виновато улыбнулся. А Юлия Юрьевна не преминула ответить.

– Это самый превосходный мужчина на свете! – сказала она.

– Вот как вам повезло! – сказала охранник, миловидная женщина.

Юлия Юрьевна прошла на эскалатор, оглянулась и опять обдала Мишу пламенем. Миша подождал, пока она скроется из виду и поехал домой. Дома, где он, можно сказать, не был целый год, он некоторое время не знал, чем заняться. Он обзвонил своих сотрудниц, поздравил с Новым годом, и они в ответ сердечно поздравили его. Мише показалось, что особенно сердечно и даже с более богатыми нотками в голосе, чем просто сердечно, поздравила его сотрудница с ореховым цветом глаз. А одна сотрудница вдруг пригласила Мишу к себе на вечер, сказала, что они с мужем будут очень рады. Миша согласился. И правда, всё было очень хорошо.

### 3

Наутро Миша проснулся очень рано и почему-то с неприятной мыслью о придуманной им истории про расстрельщика и хозяйку особняка. Правду сказать, история вполне могла быть. Но ему было неприятно. Хозяйка ему мнилась не какой-нибудь старухой, толстой и сварливой. Хозяйка ему мнилась молодой и интересной женщиной. И вполне могло быть так, что хозяйка жила в своём особняке, и ничего такого, что он придумал, не было. А он придумал, что она была застрелена, да Степа от своей мрачности ещё прибавил, что была изнасилована. В общем, получилось нехорошо.

Миша пошёл в контору, будто на месте хотел свою историю исправить. Майя Серафимовна открыла ему. Он сухо, в своем неприятном настроении кивнул ей и прошёл к себе в кабинет. И прежде всего у себя на столе он увидел со вкусом оформленный поздравительный конверт, в котором оказался листок розовой плотной, явно старинной бумаги. «Михаил Михайлович, я вас люблю!» – было написано на листке. Он хорошо помнил, что ни в канун Нового года, когда был у них в конторе праздник, ни в новогоднюю ночь никакого конверта у него на столе не было.

– Ну, явно Юлия Юрьевна подстроила! – сказала Миша, а вдруг себе не поверил. – Нет, не Юлия Юрьевна! – сказал он.

Потом он подумал, что вообще конверт и записка на старинной бумаге относятся не к нему, но снова не поверил – не к нему, так зачем же лежат у него на столе – тем более, что ни в канун Нового года, ни в новогоднюю ночь, ни даже утром новогоднего дня его не было?

Он спросил Майю Серафимовну, уже пошедшую домой, не приходил ли кто-нибудь в контору.

– Нет, никто! – сказала старушка. – Никто, нет! – да вдруг вспомнила. – Вот же я дура старая! Я же чуть обратно с собой не утащила. Это вам в благодарность! – и она вынула из сумки бутылку водки. – Вот, спасибо вам, Михаил Михайлович! У меня ведь как вышло! Мне зачем новый-то год нужен был!..

– А что, Майя Серафимовна, а давайте за Новый год выпьем! У меня хороший коньячок есть! А то вы у нас уже не первый год работаете, а по душам мы так и не познакомились! – вдруг сказал Миша.

– Ой, Михаил Михайлович, какой я вам питок! – покраснелась Майя Серафимовна.

– А что? Ведь Новый год! – сказал Миша и достал свой коньяк.

– Да, ну что вы! Я и раньше-то никогда не пила. А теперь-то уж... Ну, вот разве водочки с вами пригублю! – стала отказываться, да вдруг согласилась старушка. – Совсем немного, только пригубить! – сказала она Мише, начавшему открывать бутылку водки, и рассказала, зачем ей оказалась нужна новогодняя ночь. – Я сейчас вам расскажу, так вы не поверите! – сказала она, выпив сразу полрюмки. – Мне надо было поехать, Михаил Михайлович. Отыскалась моя тётка, родная сестра моей мамы-покойницы, девяностолетняя старушка. И отыскалась совсем недалеко, в соседнем городе. Я про неё сроду не знала. Нас по свету разбросало так, что друг про друга никто не знал. А отыскала меня её дочь, моя двоюродная сестра. Она и пригласила меня на Новый год. И ведь как совпало, Михаил Михайлович! Я до сих пор без вашей рюмки пьяная! Я у вас тут работаю, а ни сном ни духом не знала, что я родилась в этом доме, на втором этаже в угловой комнате!

– Ну, здорово! – вырвалось у Миши и тотчас почему-то вспомнилась придуманная им история.

– Да. Вот так и вышло, что я тут родилась! Тётка мне всё рассказала. Мы, говорит, все жили в одной комнате: твоя мать, ты и я. Куда, говорит, твой отец подевался, я не знаю, а мои родители в сорок первом ушли на фронт и оба там же, в сорок первом, погибли. Мне, говорит, было тринадцать лет. А ты, говорит, только родилась. Ещё года тебе, говорит, не было. Стал к твоей матери приходить мужчина в форме и с наганом. По тогдашнему времени это, говорит, было спасением. Он то буханку хлеба принесёт, то сахару, то ещё чего, а то вовсе колбасы или тушёнки. Твоя мать стала его привечать.

– А почему вы говорите, что именно в этом доме жили? – спросил Миша.

– Тётка сказала. Она назвала нашу улицу и наш номер дома! – сказала Майя Серафимовна.

– Так ведь всё уже здесь перестроено, сами видите! Номера домов совсем другие! – сказал Миша.

– Мне и тогда ёкнуло, что про вот этот наш дом тётка рассказывала. А приехала я, пошла сюда – а на доме рядом с новым номером старый висит, весь ржавый, а цифры разобрать можно! Отодрать поленились. Сами посмотрите! – сказала Майя Серафимовна.

– Просто не верится! – воскликнул Миша.

– Вот такое бывает! Но это ещё не всё. Дальше тётка вот что рассказала. Стал, говорит, он приходиться к нам и всё чаще пьяный. У нас, признался он как-то твоей матери, работа такая, что после неё без водки нельзя, и знать тебе о моей работе не надо! Ну, не надо, так не надо. Подкармливает семью, и на этом спасибо. А однажды, говорит, я прихожу из школы, дверь в дом открываю, а он мне навстречу с каким-то свёртком выходит, сам совсем пьяный, меня не видит, и в руке наган. Я так перепугалась, говорит, что с места сойти не могу. Он оттолкнул меня и пошёл по улице из стороны в сторону. Я опомнилась, побежала к себе спрятаться. А дверь в комнату настежь, и твоя мать на полу в крови лежит. И тебя нет. Ты у него в свёртке, говорит, была! Вот, что, Михаил Михайлович! Так уж ревели мы с тёткой и двоюродной сестрой, ревели! Я и узнала, почему я в детском доме воспитывалась. А тётку в другой детдом поместили. Я, говорит, после этого в больницу попала, потом уж в детдом. А с тобой, говорит, уж и не знаю, где, что и как было. Так мы потерялись. То есть я даже знать не знала, что у меня тётка есть и сестра двоюродная. Вот какой Новый год был у меня нынче! – Майя Серафимовна выпила остаток в рюмке. – Вот какой был Новый год! – ещё раз сказала она.

– Ну, вот! Вы нашли родственников! Хороший, значит, был у вас Новый год! – поздравил Миша старушку, весь как бы замёрзший от совпадения своей придуманной истории и рассказа старушки.

– Наревелись! Я ведь знать ничего не знала про маму. И сейчас ничего не знаю, ни могилки её, ничего! – сказала Майя Серафимовна.

– По этому поводу надо обратиться в городской архив ЗАГСа! – подсказал Миша.

И далее у него хватило ума, у простоватого человека, рассказать Майе Серафимовне о своей придуманной истории.

– Помните, вы мне рассказали про свою трагедию? Так я такую же историю и именно в этом нашем особнячке придумал в Новогоднюю ночь, то есть, получается, вчера и, получается, одновременно с рассказом вашей тётушки! – сказал он старушке.

Старушка Майя Серафимовна ничего не поняла, и он стал ей объяснять.

– Ну, мы дурачились. Приехали сотрудники охрannого предприятия, стали говорить, что надо заключить с ними договор, а мне стало жалко вас, ведь пришлось бы вас уволить. Я придумал про расстрельщика царской семьи и хозяйку, которую он, пьяный, тоже застрелил! – стал Миша объяснять.

– Как это вы? Мне тётка рассказала. Как это вы? Какого царя? Кто? Как это вы! Мне тётка рассказала! – опять ничего не поняла Майя Серафимовна.

Миша же, неумный человек, пытался ей что-то втолковать, но только так напугал старушку, что она тут же ушла, а потом не вышла на смену и вообще уволилась. Бог знает, что она стала думать.



А когда она ушла, Миша посидел просто так, потом пошёл по особнячку, вспоминая, как за ним в новогоднюю ночь плыла музыка. Он зашёл и ту комнату, где была новогодняя ночь, и о которой рассказала Майя Серафимовна. Ему показалось, что в комнате до сих пор звучит музыка, хотя в то время, когда они были в этой комнате, уже никакой музыки не было, и музыка плыла за ним только тогда, когда он один обходил особнячок.

С легкой печалью Миша вернулся к себе в кабинет. Изящно оформленный конверт и листок розовой старинной бумаги вернули его в день насыщенный. Он набрал номер телефона Юлии Юрьевны. Она отозвалась тотчас.

– Михаил Михайлович! А я думаю о вас! Лежу в постели, как последняя наядя на песчаной отмели какого-нибудь Эгейского виноцветного моря, и думаю о вас! И мне не стыдно! – радостно сказала Юлия Юрьевна и далее рассказала о том, что вчера была с Катей в филармонии и повстречала там Клару с Виктором. Клара отвела её в сторону и неожиданно спросила, какие у Юлии Юрьевны отношения с Мишей. Юлия Юрьевна в карман за словом не полезла и сказала, что отношения у них высокие. Клара сим не удовлетворилась и спросила, чем Юлия Юрьевна и Миша занимались в особнячке, когда все ушли. Юлия Юрьевна опять не полезла за словом в карман.

– Михаил Михайлович вполне здоровый мужчина, чтобы знать, чем заняться с корошёнкой женщиной наедине! – отчеканила Юлия Юрьевна. – А знаете, Михаил Михайлович, – ещё сказала она. – Я стала меняться под благотворным знанием о вашем существовании на земле! Я вас обожаю! Я хочу видеть вас! Мне, как молоденькой девке, без вас свет не мил!

– Юлия Юрьевна, это вы оставили мне на столе конверт? – спросил Миша.

– Конверты с валютой на стол начальству кладут только глубоко коррумпированные люди! Вы принимаете меня за коррупционера? – в шутку сказала Юлия Юрьевна.

– Нет, Юлия Юрьевна! У меня на столе я сейчас обнаружил конверт, в котором был листок бумаги со словами «Я люблю вас, Михаил Михайлович!» – счастливо поправил её Миша.

– Михаил Михайлович! – вдруг потянуло из телефона холодом. – Я никогда подобными вещами не занимаюсь. Я вам не... – и не нашла, что сказать. – Я вас обожаю! Но влюбляться, а тем более самым пошлым образом вас любить, как какая-нибудь последняя дура, мучать себя – нет, увольте, Михаил Михайлович! И больше не предъявляйте мне таких претензий! Поищите кого-нибудь из ваших, вожделеющих вас сотрудниц! А я сама определяю и выстраиваю отношения с мужчинами! – сказала она.

Вот так сказала Юлия Юрьевна. А Миша совершенно невежливо помолчал, а потом отключил телефон. И не стал её слушать на следующий день, когда она стала просить прощения и снова говорить о том, как она его обожает.

– Всё! Гитлер карут! – сказал Миша, бывший сержант внутренних войск и не очень большого ума человек.

То есть все отношения с Юлией Юрьевной он взял да вот таким образом враз прекратил. Однако новогодняя ночь ему вспоминалась долго. Ему вспоминалось, как плыла в

новогоднюю ночь за ним по пустым коридорам и комнатам музыка, а он видел глаза своей сотрудницы, на которую он, оказывается, уже давно обратил внимание, только в этом не признавался себе. Он хмурил брови, полагая, что, возможно, вовсе и не она оставила конверт. Она, замужняя, не могла оставить такой конверт. Вернее всего, кто-то попросил её оформить конверт и потом положил в него записку для Миши. А кто это мог сделать, он найти не мог. И его простоватое лицо, кроме вопроса, кто бы это мог быть, выражало ещё и иную мысль, трудно прочитываемую, но явно хорошую. А если сказать проще, то ему очень хотелось, чтобы конверт с запиской положила именно та сотрудница.

И уж коли старушка Майя Серафимовна уволилась, Миша Морозов заключил договор с охранным предприятием. И про изящно оформленный конверт с запиской на розовой, будто старинной бумаге он ничего не стал узнавать. К сожалению, не особо он интересовался делами своих сотрудниц, не особо хороший был начальник.